

Polylogos. 2013-2020

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 1 Volume 3. 2019

Type of an individual in the conditions of market and in the conditions of the organized capitalism

E. Samarskaya

RAS Institute of Philosophy

Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation

Abstract

The article analyzes a special sociocultural and sociopolitical type of a person - an individual, which is characteristic to the market capitalism in historical retrospect and in modern times. Based on the theories of the classics of social and political thought of Marx, Zombart, Veblen, as well as modern thinkers - Galbraith, Baudrillard - the fundamental features of this type are revealed. It is hypothesized that, in general, the type of person in the economics of capitalist societies is very stable. The political values of a democratic society (equality and freedom) are analyzed in relation to this type, which presumes competition as the main sociopsychological quality of the individual.

Keywords list (en): political philosophy, social philosophy, capitalism, individual, personality, political values, consumer society

Date of publication: 22.05.2019

Citation link:

Samarskaya E. Type of an individual in the conditions of market and in the conditions of the organized capitalism // Polylogos. 2019. V. 3. № 1 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110005081-1-1/> (circulation date: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S258770110005081-1

1 Политологи много пишут о политических ценностях в современных обществах, таких как свобода и равенство. Но редко задаются вопросом о ценностях, которые управляют экономической жизнью общества. В статье сделана попытка выделить некоторые точки зрения на этот счет, которые содержатся в работах В.Зомбарта, Т.Веблена, Дж.Гэлбрейта, Ж.Бодрийяра. Первые два анализируют тип человека, свойственный рыночному капитализму.

Последние анализируют организованный капитализм, свойственный ему тип человека. Если первые подчеркивали завистнический, хищнический тип человека, то последние говорят о соперничестве в росте производства и о престижном потреблении. В целом тип человека в экономике капиталистических обществ остался почти неизменным, его можно определить как страсть к соперничеству.

2 Человек – сложное существо с разнообразными свойствами, продиктованными его органическими потребностями, политическими, социальными, экономическими условиями, моральными отношениями. С XVIII века разум стал в западном мире главной обобщенной характеристикой человека, на человека разумного возлагали надежды на создание справедливого общества, расположенного к материальному и духовному прогрессу. Но кроме этой общей характеристики человек имел специфические ценности в разных сферах общественной жизни. Интересно сравнить, например, политические и экономический сферы человеческой деятельности, то, каким человек предстает в политике и в экономике на сопоставимых исторических этапах.

3 Политические ценности западного мира, начиная примерно с XVIII в., широко известны это свобода и равенство. При этом политическая свобода предполагает ограничение власти, что оставляет место личным свободам человека – гражданина. Равенство предполагает равное участие граждан в выборах. Свобода - цель, равенство – средство достижения цели (свободы). Вместе они составляют отличительную черту демократии как формы политического устройства общества.

4 У демократии была сложная судьба на протяжении последних двух-трех веков. Начиная с XIX, а то и с XVIII вв. демократия в европейских странах служила, в частности, для проведения либерального принципа *laissez-faire* (свобода рынка), она, таким образом, выступала в единстве с либерализмом. Но с начала XX в. она испытала сильное влияние социализма. В результате индивидуальные свободы утратили свой приоритетный характер, а на первый план выдвинулись, под влиянием постреволюционной России, суверенитет народа и задача экономического развития страны с целью повышения уровня жизни народа. В такой форме демократия продвигалась в XX веке за пределы Запада, ее ценность, писал Р.Арон, это действительность, а не индивидуальные свободы и добавлял: «Грубо говоря, *институты представительной демократии не кажутся мне в наш век необходимым выражением всеобщего желания свободы*»¹. Если на Западе в той или иной степени признаются индивидуальные свободы, то за его пределами не популярны такие личные свободы, как безопасность, участие в общественном управлении, свобода слова и дискуссий, свобода ассоциаций и объединений.

5 Но политическая свобода все же выжила в индустриальном обществе благодаря тому, что были приняты в конституцию многие социалистические требования. На это влиял марксизм, его «прометеевские амбиции», в силу чего люди в индустриальных обществах верят, что техника обеспечит господство человека над природой, а рациональное устройство общества позволит ликвидировать нищету. Выстоит ли политическая свобода впредь, столкнувшись «с технической сложностью проблем, пассивностью потребителя благ, массовой культурой?»².

6 Таков пример самых распространенных в наше время политических ценностей, они благородны, хотя доктринерский эгалитаризм, если он побеждает в демократии, ведет не к равенству, а к тирании. Так благородное равенство превращается в источник униженности и рабства.

7 Теперь можно поставить вопрос о человеческих ценностях в области самой распространенной с XIX в. и по настоящее время формы экономики – капитализма.

8 1. Одним из первых Маркс описал особенности индивидов рыночного капитализма. Они известны: капиталист, стремящийся получить прибавочную стоимость, и рабочий, который подвергается отчуждению в процессе своего труда. Пролетарская революция уничтожает отчуждение, в результате чего рабочий становится целостным индивидом, свободным и стремящимся к самосовершенствованию, а капиталист как тип исчезает. Вся эта картина исторических перспектив капитализма и труда долго, более ста лет занимала возвышенные умы человечества и определила революционные движения XX века. В наше время она оставлена, а капитализм вновь утвердился на развалинах социализма. Исследование человеческого типа капитализма вновь становится актуальным.

9 Писателем, исследовавшим исключительно рыночный капитализм, был В. Зомбарт. Он датировал умирание капитализма 1914 годом, к моменту объявления войны «век развитого капитализма внезапно пришел к концу»³. Напротив, Ф. Науман считал, что капитализм (организаторский) только начался в первые десятилетия XX века. В. И. Ленин датировал началом XX века формирование империализма, то есть капитализма монополистического и склонного к войнам за колонии. Но Зомбарт не считал монополии свойством капитализма, иначе, писал он, коммунизм с его организацией пришлось бы считать формой капитализма. Зомбарт усматривал конец капитализма в развенчании инстинкта стяжательства как единственного определяющего мотива хозяйственной деятельности, в меньшей напряженности хозяйственной энергии, в прекращении скачкообразных колебаний в ходе развития, в замене свободной конкуренции принципом соглашения. При капитализме, писал Зомбарт в книге «Современный капитализм», сложилось целеустремление, которое, как знал Аристотель, не имеет ничего общего с хозяйственной жизнью: стремление к стяжательству, к заработку денег. И ради этой столь нехозяйственной цели были созданы средства к существованию для сотен миллионов людей, создана удивительная техника и изменен внешний облик земли.

10 Маркс рассматривал капитализм как предварительную ступень к созданию лучшего, идеального общества. Но мы знаем, говорил Зомбарт, что «из капитализма не вышло ничего, имеющего какое либо культурное значение, да и в будущем ничего не возникнет»⁴. Мы связываем свои надежды не с тем, что возникнет из капитализма, а с тем, что отклоняется от него.

11 Движущей силой капитализма является живой человек с «особыми», «*исторически своеобразными побудительными мотивами*»⁵. Ими должны обладать «группы, но все же вождями являются лишь немногие, огромная масса идет на поводу»⁶. Капиталистические предприниматели и есть «движущая сила капитализма», они «вожди». Они наделены мощными инстинктами: стяжательство, стремление к власти, жажда деятельности, желание ускорить темп жизни. Все эти стремления объединяет «жажда бесконечности, безграничность целеустановок, выходящая за пределы всякой органической меры»⁷. Однако зрелый капитализм характеризует не только развитие этих иррациональных инстинктов, но и «*крайнее развитие экономического рационализма*, то есть пронизывание всего хозяйства тончайшими методами рациональных целевых идей»⁸. Чуть ниже Зомбарт перечисляет новые черты человеческого типа при капитализме: стяжательство – это обобщенная его характеристика, помимо этого его отличает вера в прогресс, сознание долга (вера в труд как единственный источник земного благополучия, любовь к своему предприятию и деятельности). Капиталистам не нужно считаться с традициями семьи и предприятия, они стремятся к новому, свободны от ограничений, налагаемых религией и религиозной моралью (страсть к наживе появилась тогда, когда были сброшены религиозные путы).

12 Наряду с названными характеристиками индивидов в условиях рыночного капитализма, Зомбарт отмечает политические черты этого типа: он демократ, представляет «свободных граждан», вырванных из пут любых организаций публично-правового характера,

граждан, которые преследуют «свои интересы». Таким образом, страсть к наживе уживается со свободой и демократическими ценностями. Свобода и демократия – это политические ценности, страсть к наживе и стремление к бесконечности, жажда власти, рационализм и т.д. – это черты капиталистического предпринимателя, точнее, его мировоззрение и основа его морали. Зомбарт отмечает, что не нравственность определяет хозяйственную деятельность, наоборот, хозяйственные нужды определяют границы, в которых может осуществляться соответствующая нравственность.

13 Характер индивидов в условиях рыночного капитализма рассматривал Т.Веблен. Он проводил линию к ним от периода варварства, когда зародилась собственность и страсть к богатству. Тогда произошло деление общества на «хищников» и людей низкого труда. «Хищники» (при капитализме это «праздный класс») заняты непроизводительным трудом (управление, военное дело, религия, спорт, развлечения). Их дело –управлять и принуждать население, последнее занято ручным трудом, добыванием средств к существованию. При капитализме праздный класс занят не делами промышленности, а делами бизнеса (финансы). Его интересует стяжательство, а не промышленность, эксплуатация, а не польза. В перспективе участие «денежного класса» может стать ненужным, но пока его роль в производстве очень велика⁹. В праздном классе царит хищничество, хитрость, беззащитная практичность, мошенничество, склонность к сражениям. Напротив, человеческий тип, занятый в производстве, отличается честность, усердие, миролюбие, добрая воля.

14 Особую точку зрения на характер индивида в освещении Веблена высказывает его современный исследователь Ж.Мокуран в статье о «Возврате спора о роскоши»¹⁰. Он подчеркивает единство морали бедных и богатых у Веблена, смысл которой завистничество и стремление к роскоши. В XVII веке экономисты осуждали роскошь, а в XVIII веке ее объявили необходимостью. Мандевилль смог написать, что слово роскошь практически лишено смысла, Сэй объявил, что высокие цены на предметы роскоши благоприятствуют рынку. Веблен возвращает вопрос о роскоши, объявив расходы господствующих классов «хвастливым потреблением». Такие общества удивительно устойчивы, ибо желание низов – жить как господа, не ликвидируя принципа господства. В начале XXI века Мокуран пишет о росте неравенства, о том, что мир становится «антитоквилевским», даже если разрыв между нациями уменьшается. Но все же главная мысль Веблена состоит в утверждении различия типов праздных и трудяг в капиталистических обществах.

15 Центральная идея Веблена заключается в том, что со временем финансисты должны быть отстранены от производства и заменены техническими специалистами. С.А.Сорокина в предисловии к «Теории праздного класса» писала по поводу этой идеи, что она является «социальной утопией». Напротив, мы видим, что в наше время роль технических специалистов на предприятиях все возрастает. Правда, происходит это не путем всеобщей забастовки инженеров, как предполагал Веблен в работе «Инженеры и ценовая система», а мирным путем, собственники отстраняются от управления производством в пользу технических специалистов. Торговля акциями имеет лишь отдаленную связь с деятельностью самого предприятия.

16 Мышление бизнесмена (финансиста) отличается от мышления тех классов, которые заняты в производительной сфере (рабочих, инженеров, предпринимателей-промышленников, ученых). Финансист апеллирует к институту собственности, он обращен к традиционным юридическим процедурам, мыслит на языке человеческих отношений, свободы, действия и выбора. Его аргументация всего лишь де-юре, а не де-факто. Бизнес осуществляет коррекцию промышленной деятельности в собственных интересах, в интересах получения прибыли. Ему безразлично, оказывают ли его действия благоприятное или разрушительное влияние на промышленную систему. Интересы владельцев акций и интересы производства не совпадают,

но все же бизнес пока направляет эволюцию производства, хотя и в нужном ему (бизнесу) направлении. Современная политика это «политика бизнеса», законодательство и право основаны на догмате «естественной свободы», «естественного права», то есть на принципах ХУШ в. Свобода экономической деятельности имеет одно ограничение: собственность. Классы, лишённые собственности, не заинтересованы в поддержании права собственности, оно не кажется им полным «здорового смысла», современный здравый смысл расходится с таковым ХУШ в.

17 Отлична от этой юридической культуры культура индустриальная. Нужно противопоставлять не бедные и состоятельные классы, а классы, занятые в промышленности, и профессиональных финансистов. Дело не в собственности, а в сфере занятости, которая определяет характер мышления. Материалистическое мышление складывается у рабочих под влиянием машинной технологии, это воспитывает у них критичность в отношении институциональных истин (собственности, семьи и проч.). Такой распад духовных устоев выходит далеко за пределы рабочего класса. «Машина нивелирует и вульгаризирует общество, в результате чего последнее похоже истребляет в себе все респектабельное, благородное и достойное, что еще сохранилось в органической ткани человеческих отношений и в идеалах человечества»¹¹.

18 Как видим, Веблен относится критически не только к идеологии бизнеса, но и к идеологии машинного производства. Но все же главная его мысль заключается в неизбежности победы власти технократов в индустриальных обществах. Хотя он и замечает, что люди, воспитанные в духе материалистического мировоззрения, не в состоянии понять притягательную силу религии. Распространение «грубых материалистических воззрений будет происходить все более нарастающими темпами, если не созреет некий новый, чуждый машинной индустрии культурный фактор, который воспрепятствует такой экспансии...»¹². Из последующих рассуждений Веблена становится ясно, что такой фактор может быть только один – милитаризм, воинская доблесть восстановит аристократические ценности и поможет возродить веру в религию.

19 Веблен не устает критиковать механизированные общества. Машина дисциплинирует человека в силу процессов «стандартизации и механической унификации жизни общества во всех его сферах»¹³. Машина не признает традиций, она чужда ценностям, отвергает общепринятые истины и унаследованные институты. Антропологизм, «какой бы облик он не принимал, здесь бесполезен и бессилён»¹⁴. Мышление квалифицированного рабочего близко по своему духу мышлению инженера и тех, кто занимается современными науками.

20 Деловое предприятие не может обойтись без машинной индустрии, но беспрепятственное развитие машинной индустрии ставит принципы бизнеса под угрозу, разрушает структуру естественных прав, превращая эти права в юридическую фикцию. Но, как уже сказано, не только машинное производство может нанести удар бизнесу, ему может противостоять дух воинственности, развитый до своих пределов. Он может потребовать пожертвовать прибылями ради военных целей и привести к упадку делового предприятия. Он может даже привести общество назад, «в традиционный архаический образ жизни», где Веблен видит культуру непоколебимого достоинства и стабильности, которая существовала и до социалистических фантазий, и до развития естественных прав. И тогда вполне могли бы возродиться элементы духовной атмосферы старого режима, материалистический скептицизм уступил бы место романтической философии и народные массы, как и ученые, вновь обрели бы некое подобие набожности и веры в сверхъестественные силы, которые они в недалеком прошлом утратили»¹⁵. Таким образом, политика воинственности несет также упадок делового предприятия, как и машинная дисциплина, хотя результаты в социально-экономическом и политическом планах получаются разные, в первом случае возврат к архаике, во втором

общество машинного производства. И в том, и в другом случае верховенство делового предприятия не может быть удержано.

21 Ясно, что Веблен отрицает эволюционный процесс развития общества, поэтому у него возможно восстановление архаики. Но чаще он говорит о другом, об установлении в будущем власти технократов. Об этом он пишет в книге «Инженеры и ценовая система». Если изначально промышленными предприятиями управляли финансисты, то в последнее время они теряют эту власть. Промышленные эксперты, инженеры, химики, различные технические специалисты занимают все более ответственные посты в индустриальной системе. Инженеры должны быть свободны от коммерческих соглашений и ограничений, от вмешательства самих владельцев. Денежные средства предприятия получают от больших концернов и правительственной бюрократии. Что касается собственников предприятий, то они более не нужны для индустриальной системы и ее развития, их абсентеистская собственность должна быть уничтожена. Инженеры должны объединиться и решительно избавиться от абсентеистской собственности людей, которые не участвуют в работе предприятия, такая собственность только создает привилегированные классы и разрушает промышленность. Бизнес навязывает промышленности стратегию, которая дезорганизует ее, навязывает ей незадействованность материальных ресурсов, оборудования и человеческой силы, рекламу, производство роскоши. Все это Веблен оценивает как саботаж промышленности со стороны бизнеса.

22 Р.Арон в предисловии к «Теории праздного класса» Веблена подчеркивает, что в конце XX века, когда управление предприятиями не смешивается более с собственностью и когда положение рабочего класса улучшилось, марксистская идея эксплуатации труда должна уступить место критике капитализма со стороны Веблена, его разоблачениям спекуляции, капиталистического саботажа, расточительства, рекламы. Капиталистический саботаж, как доказывает Мокуран, связан, в частности, с ролью денег в обществе, когда деньги стремятся к собственному росту (фигура рантье). Самостоятельный рост денег предполагает, что все монополистические ограничения (права воспроизводства, контроль над рынками, льготы, патенты, марки) капитализируются в единстве счета. Так возникает монетарная иллюзия, деньги не отражают стоимости имущественных капиталов, они мобилизуют интенсивно «неосязаемые активы», «имматериальную реальность», которая благодаря магии права создает товарную стоимость, уменьшая ритм производства (саботаж). Но, несмотря на спекуляции, саботаж, расточительство, крушение капитализма дело крайне отдаленного будущего, а пока деньги направляют деятельность деловых фирм.

23 2.

24 К середине XX века произошли крупные изменения в характере капитализма. А именно, появилось множество крупных корпораций, которые действуют уже не по законам рынка, а по иным законам. В рыночных условиях потребитель направляет своими запросами производство, а крупные промышленные корпорации стремятся контролировать рынок и воздействовать на потребителя в соответствии со своими нуждами. Свобода потребителя оказывается нарушена. В своих стремлениях крупные корпорации ищут поддержки у государства, выдвигая вперед «планирование» и сводя к минимуму влияние рынка.

25 Веблен уже отмечал, что власть на крупных предприятиях переходит от собственников к техническим специалистам. Дж.Гэлбрейт подчеркивал ту же тенденцию, уже гораздо более развитую, говоря, что власть в корпорациях принадлежит не отдельным личностям, а «организации». Это совокупность лиц, обладающих техническими знаниями, начиная от руководителей предприятия до основной массы рабочих. Проблемы индивида теперь разворачиваются не в отношении к рынку, а в отношении организаций, которые превалируют и на предприятиях, и в обществе. При этом, пишет Гэлбрейт, «в наших действиях

и мыслях мы становимся слугами той машины, которую мы создали для того, чтобы она служила нам»¹⁶.

26 Есть много сторонников рынка, которые и деятельность крупных корпораций измеряют его законами, стремлением к максимизации прибыли. Гэлбрейт отмечает иные побудительные мотивы деятельности работников корпораций: денежное вознаграждение, отождествление себя с целями организации, надежда изменить некоторые цели организации в соответствии со своими целями. Рабочие в крупных корпорациях имеют, как и раньше, денежные интересы, служащие на более высоких должностях по мере приближения к центру власти ощущают свою причастность к целям организации. Они таковы: сохранение организации и ее самостоятельность, рост фирмы и защита ее от сокращения штатов, гарантированность уровня прибыли и максимальные темпы роста.

27 Роль профсоюзов в крупных корпорациях уменьшается, так как отношения между работниками и работодателями принимают более мирный характер: развитая корпорация гораздо меньше конфликтует с профсоюзами, чем предпринимательская корпорация, она не стремится к максимизации прибыли и может пойти на повышение зарплаты за счет прибыли.

28 Если целью рыночного предприятия является максимально возможный рост прибыли, то цель крупных корпораций – непрерывный рост производства. При этом они навязывают обществу свои цели и подавляют иные. Так, они считают маловажными дела социальной защиты, экологические требования и другие. Гэлбрейт выражает уверенность, что нельзя подчинять интересы общества интересам корпораций, его интересы шире интересов индустриальной системы. Но стяжательство, точнее, стяжательство на иной лад (рост производства) отличает корпоративные организации.

29 Интересный вклад в решение проблем индивида в развитых капиталистических обществах внес Ж.Бодрийяр. На первый взгляд кажется, что он, в отличие от Веблена или Гэлбрейта, занят не вопросами производства и индивидами как его участниками, а исключительно проблемами потребления как важной, но не первостепенной сферы общественной жизни («Система вещей», «Общество потребления» и др.) Но потребление у Бодрийяра не является локальным процессом удовлетворения потребностей, оно имеет столь глобальный характер, что через него проявляется вся жизнь общества, производства в том числе. Не производство манипулирует потребностями человека, как думал Гэлбрейт, а «потребление становится логическим и необходимым стимулом производства»¹⁷. Учитывая сказанное, можно принять, что анализ потребления у Бодрийяра раскрывает в какой-то мере и его взгляд на производство в развитых капиталистических обществах.

30 Как и Веблен, Бодрийяр исходит из мысли о дифференциации людей в обществе: у Веблена это хищники и трудяги, у Бодрийяра вся масса потребителей, людей, стремящихся к неравенству в потреблении, хотя громко высказанной целью в современных демократических обществах является равенство, которого пытаются достигнуть путем роста производства. Это равенство перед предметом, перед телевизором, автомобилем, стереосистемой, равенство по видимости конкретное, но на деле совершенно формальное, «которое скрывает *отсутствие* демократии и неуловимость равенства»¹⁸. В таких обществах пытаются преодолеть неравенство «путем роста объема благ»¹⁹. Устранит ли изобилие неравенство потребления или нужно думать, что «*именно рост в самом его движении основывается на этом неравновесии*»²⁰. Некоторые демократические элементы в обществах роста есть, они служат оправданием их существования, но эти элементы даны в гомеопатических дозах. Если различия в обладании материальными благами сглаживаются, то появляются новые классовые различия, которые стимулируют производство. Таким образом, стремление людей к неравенству, к престижному потреблению подстегивает рост.

31 Предметы потребления – это знаки, которые либо присоединяют вас к собственной группе, либо отдаляют от нее и присоединяют к более высокой статусной группе. Дифференциация потребления никогда не прекращается, оно демонстрирует «безграничность» потребления. Если реальное потребление (удовлетворение потребностей) может достигнуть границы, то статусное, престижное потребление не имеет естественной границы. Капиталистические общества роста, в которых проповедываются идеи уравнительности, имеет строение, основанное на дифференциации.

32 Выше говорилось о теории Гэлбрейта, согласно которой рост производства обуславливает рост потребностей и потребления. Если естественные потребности поддаются стабилизации, то производство вызывает рост новых, искусственных, по мнению моралистов, потребностей, которые надо устранять. Мысль Бодрийера противоположна мысли Гэлбрейта. Последний возлагал ответственность за пробуждение у людей неограниченных желаний на индустриальную систему. Бодрийер упрекает его, что он не видит «всю социальную логику дифференциации», которая управляет ростом производства. Эту мысль Бодрийер выражал еще яснее: «Истина потребления состоит в том, что оно является не функцией наслаждения, а функцией производства и потому – совсем как материальное производство – функцией не индивидуальной, а непосредственно и полностью коллективной»²¹. Проще говоря, индивид при потреблении становится производителем системы знаков, благодаря которой «целое общество общается и разговаривает»²². В наших обществах потребляют не вещь, а отношение: потребитель не столько наслаждается, сколько придает потребляемой вещи знаковость, которая занимает определенное место в системе знаков. Потребление «есть деятельность систематического манипулирования знаками»²³.

33 Потребление – это своеобразная идеология, которая позволяет решать социальные и политические противоречия: «Решение социального противоречия состоит не в уравнительности, а в дифференциации»²⁴, потребление заставляет людей принять «правила игры». «Именно таким образом потребление может заменить собой все идеологии и полностью взять на себя ответственность за интеграцию любого общества, как это делали иерархические или религиозные ритуалы в первобытных обществах»²⁵.

34 Как у Веблена зависть направляет деятельность индивида, становящегося хищником, так у Бодрийера индивид захвачен престижным потреблением. Такой индивид вынужден постоянно меняться в зависимости от «свода правил»: «Индивид не является больше средоточием автономных ценностей, он не более чем точка пересечения многочисленных отношений в процессе подвижных взаимоотношений»²⁶. В этом процессе безграничного взаимодействия «нет, собственно говоря, ни Субъекта, индивидуализированного в своей «свободе», ни «Других» в сартровском смысле термина, а есть общее «окружение», где их относительные границы обретают весь свой смысл в силу их дифференциальной подвижности»²⁷.

35 Факт, что сегодня некогда смертельные враги разговаривают друг с другом, что крайне противоречивые идеологии ведут «диалог», как будто устанавливается на всех уровнях род мирного сосуществования. Это не означает гуманитарного прогресса, а просто означает, что идеологии, мнения и т.д., будучи только материалом обмена и потребления, несмотря на свои противоречия, уравниваются в игре знаков. Но в обществе потребления есть свои насильственные и ненасильственные формы протеста, они всегда результат «отказа от активизма общества роста, от ускорения темпов благосостояния как новой репрессивной системы»²⁸. Это отказ от социализации через уровень жизни и принцип дохода.

36 Бодрийер стремился дать законченный образ человека - потребителя: индивид – это система знаков. Но этот образ содержит противоречие, что проявляется в его рассуждениях

об отчуждении. Он признает отчуждение существующим в отношении целого общества: «Эра потребления, будучи историческим завершением всего процесса ускоренного производства под знаком капитала, является также эрой глубокого отчуждения»²⁹. Развитое производство создает опасность ядерной катастрофы, может привести к техническому самоубийству цивилизации. И это касается не только производства, логика товара распространяется, управляя не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями. Все охвачено логикой товара, объективируется и манипулируется под знаком прибыли... До сих пор Бодрийяр сохранял логику сторонников отчуждения. Но далее он ставит вопрос, может ли схема отчуждения в той мере, в какой оно вращается вокруг *иного самости*, играть роль в контексте, в котором индивид никогда больше не сталкивается со своим собственным раздвоенным образом? Отчуждение – демиургический образ, а потребление не является прометеевским, оно гедонистично и регрессивно. Его процесс не является процессом труда и преодоления, «это процесс *поглощения знаков и поглощения знаками*. Оно характеризуется, следовательно, как об этом говорит Маркузе, *концом трансцендентности*»³⁰. А конец трансцендентности есть и конец отчуждения. «Нет больше «самости», ни «самого субъекта», а значит нет «иного самости», отчуждения в собственном смысле»³¹. Мысль Бодрийяра раздваивается: существует отчуждение для общества в целом, но нет отчуждения для индивида. Общество отчуждения представляет себя «эрой реализованной утопии и конца истории»³². Но общество, в котором царит отчуждение, не может мыслить себя реализованной утопией, оно непременно должно иметь продолжение в виде снятия (всегда временного) отчуждения.

37 Итак, благородные политические ценности демократического общества (равенство и свобода), в сфере экономики уступают другим ценностям, целям, устремлениям. В условиях рыночного капитализма это зависть, стяжательство (Зомбарт, Веблен). В условиях организованного капитализма это безграничность роста производства, которое противоречит интересам естественного человека (Гэлбрейт), у Бодрийяра основой роста производства является неравенство потребления, его знаковый, статусный характер. В целом можно сделать вывод, что сущность человека в капиталистических обществах сохраняется почти неизменной на протяжении их развития, завистнические отношения или, шире, соперничество сохраняется и составляет устой экономических отношений. Что не исключает, конечно, моральных добродетелей в частной жизни и благородства политических ценностей.

Remarks:

1. Р.Арон. Эссе о свободах. М., 2005. С.72.
2. Там же. С.99.
3. В.Зомбарт. Современный капитализм. Т.III. Москва- Ленинград, 1929. С.ХУШ.
4. Там же. С. ХХУШ.
5. В.Зомбарт. Современный капитализм. С10.
6. Там же.
7. Там же. С.26.
8. Там же
9. См. Т.Веблен. Теория праздного класса. М., 1989. С.217.
10. Jerome Maucourant. Hisoma. Le mercredi 2 decembre 2015 // Journee d'etude. Ex oriente luxuria (II) - Maison de l'Orient et de la Mediterranee.
11. Т.Веблен. Теория делового предприятия. М., 2007. С.259.

12. Там же. С.268.
 13. Там же. С.223.
 14. Т.Веблен. Теория делового предприятия. С.227.
 15. Там же. С.286.
 16. Дж,Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969. С.43.
 17. Ж.Бодрийяр. Общество потребления. М., 2006. С.104.
 18. Там же. С.74.
 19. Там же.
 20. Там же. С.76.
 21. Там же. С.108.
 22. Там же. С.109.
 23. Ж.Бодрийяр. Система вещей. М., 2001. С.213.
 24. Ж.Бодрийяр. Общество потребления. С.126.
 25. Ж.Бодрийяр. Общество потребления. С.126-127.
 26. Там же. С.216.
 27. Там же.
 28. Там же. С.228.
 29. Ж.Бодрийяр. Общество потребления. С.239.
 30. Там же. С.240.
 31. Там же. С.241.
 32. Там же. С.243.
-

References:

1. Aron R. Esse o svobodah. M.: Praxis, 2005. 208 c.
2. Bodriyyar ZH. Sistema veshchej. M.: Rudomino,2001. 224 s.
3. Bodriyyar ZH. Obshchestvo potrebleniya. M.: Respublika, Kul'turnaya revolyuciya, 2006.
4. 269 s.
5. Bodriyyar ZH. Zerkalo proizvodstva The Mirror of Production. St-Louis: Telos
6. Press, 1975. 87 s.
7. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 367 s.
8. Veblen T. Teoriya delovogo predpriyatiya. M., 2007. 288 s.
9. Veblen T. Inzheneriy i cenovaya sistema. M., 2018. 117 s.
10. Gelbrejt Dzh. Novoe industrial'noe obshchestvo. M.: Progress, 1969. 480 s.
11. Zombart V. Sovremennyj kapitalizm. T.III. Moskva- Leningrad, 1929. 604 s.

12. Zombart V. Idealy social'noj politiki. SPb.,1900. 74 s.
13. Zombart V. Burzhua: etyudy po istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo
14. ekonomicheskogo cheloveka. M.: Nauka, 1994. 443 s.
15. Koryagin F.G., Frolov B.I. Social'naya utopiya Dzh.Gelbrejta. M.: Mysl', 1978.
16. 250 s.
17. Jerome Maucourant. Hisoma. Le mercredi 2 decembre 2015 // Journee d'etude. Ex
18. oriente luxuria (II) Maison de l'Orient et de la Mediterranee.
19. Markuze G. Odnomernyj chelovek. M.: Relf-Book, 1991. 368 s.
20. Mitenkov A.V. Zombart o genezise obshchestva (filosofsko-antropologicheskij analiz
21. ucheniya). M.: Prima-Press, 2002.
22. Nogaev I.V. Ekonomicheskij pragmatizm Dzhona Kenneta Gelbrejta: k stoletiyu so
23. dnya rozhdeniya. // SSHA- Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2008, ¹10. S. 77-90
24. Samarskaya A.A. Chelovek i istoriya (filosofskaya polemika v ranneindustrial'nyh
25. obshchestvah) // Filosofiya i kul'tura. 2013, ¹11. S. 1419-1427
26. Samarskaya Organizovannyj social'nyj mir i ego sovremennye kritiki //
27. Filosofiya i kul'tura, ¹10, 2012. [Elektronnyj resurs]
28. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=30992. DOI: 10.7256/1999-
29. 2793.2014.10.12883
30. Chelovek v ekonomike i drugih social'nyh sredah. otv. red. Fedotova V.G. M.: IF
31. RAN, 2008. 195 s.

Тип индивида в условиях рынка и в условиях организованного капитализма

Самарская Е. А.

Институт философии РАН

Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье анализируется особый социокультурный и социально-политический тип человека – индивид, свойственный рыночному капитализму в исторической ретроспективе и в современности. С опорой на теории классиков социальной и политической мысли Маркса, Зомбарта, Веблена, а также современных мыслителей – Гэлбрейта, Бодрийяра – выявляются основополагающие черты такого типа. Выдвигается гипотеза, что в целом тип человека в экономике капиталистических обществ является очень устойчивым. В соотношении с данным типом, предполагающим конкурентность в качестве главного социопсихологического качества личности, анализируются политические ценности демократического общества (равенство и свобода).

Ключевые слова: политическая философия, социальная философия, капитализм, индивид, личность, политические ценности, общество потребления

Дата публикации: 22.05.2019

Ссылка для цитирования:

Самарская Е. А. Тип индивида в условиях рынка и в условиях организованного капитализма // Полилог/Polylogos. 2019. Т. 3. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110005081-1-1/> (дата обращения: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S258770110005081-1